

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Яна Евгеньевна АНДРЕЕВА¹

Наталья Вадимовна ЛАБУНЕЦ²

УДК 81'255.2

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ РОМАНА Г. Ш. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

¹ аспирант, Тюменский государственный университет
y.e.andreeva@utmn.ru

² доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания,
Тюменский государственный университет
n.v.labunec@utmn.ru

Аннотация

В данной статье анализируются грамматические и лексические трансформации при переводе художественного текста на китайский язык. В настоящее время актуальными остаются вопросы теории и практики перевода художественного текста в отношении русско-китайской языковой пары. При этом всё более осознаются существующие проблемы эквивалентности и адекватности перевода.

Цель настоящей работы — выявление специфики межъязыковых трансформаций русско-китайского перевода на основе сопоставительного анализа текста оригинала произведения Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015 г.) и его перевода (2017 г.). Научная новизна работы состоит в том, что представленный художественный текст впервые рассматривается в аспекте сравнительно-сопоставительного

Цитирование: Андреева Я. Е. Межъязыковые трансформации при переводе с русского языка на китайский романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Я. Е. Андреева, Н. В. Лабунец // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 6-23.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-6-23

языкознания. В качестве основного метода исследования был использован сопоставительный анализ текста исходного языка и текста перевода с целью осмысления межъязыковых трансформаций, выполненных переводчиком в процессе перевода. Исследование текста перевода художественного произведения представляет особый интерес, поскольку различия в грамматическом строе русского и китайского языков значительны. На грамматическом уровне анализируются морфологические и синтаксические трансформации, особое внимание уделяется интерпретации глагольных форм. На лексическом уровне рассматривается специфика передачи на китайский язык национально-маркированного корпуса татарской лексики, который приобретает особую значимость в репрезентации этнокультурной составляющей художественного текста. Особенности лексических трансформаций при переводе выявляются через обращение к идеологической лексике советского периода.

В результате исследования были установлены причины лексических, морфологических и синтаксических переводческих трансформаций, выявлены межъязыковые барьеры, снижающие эквивалентность перевода.

Ключевые слова

Г. Ш. Яхина, перевод художественного текста, сравнительно-сопоставительный анализ текстов, межъязыковые (переводческие) трансформации, эквивалентность перевода, лексическая трансформация, грамматическая трансформация, русско-китайские межъязыковые барьеры.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-6-23

Введение

Перевод называют мостом, соединяющим миры культур, цивилизаций. В расширяющемся российско-китайском межкультурном диалоге возрастает значимость художественного текста, в котором уже заложена возможность взаимодействия: текст, по выражению Ю. М. Лотмана, ведет себя как собеседник в диалоге, перестраивается по образцу аудитории [8, с. 113].

Говоря о популярности русской литературы в Китае, известные переводчики Цао Чжундэ и Ду Минцзин, именующие себя «строителями литературного моста», указывают на причины, вызывающие у китайского читателя интерес к русскому тексту: классическая «русская литература наполнена чувством патриотизма, духом героизма, жизненной философией, романтизмом, гуманизмом, поисками справедливости» [16, с. 156].

Но это можно отнести и к произведениям нового времени. Русская литература в лучших ее новейших проявлениях, во многом сохраняя достижения классического периода, по-прежнему насыщена теми же чувствами, но преисполнена новыми «поисками справедливости». Так же, как и в предшествующие эпохи, она помогает человеку осознать трагическое прошлое своей страны и самого себя в координатах нового, усложняющегося мира.

Произведения Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015 г.) [20] и «Дети мои» (2018 г.), в которых, по словам автора, рассказывается о судьбах людей,

«затерянных в прошлом», получили заслуженное признание не только в России, но и за рубежом. Неслучайно, что в Китае эти произведения вошли в зону активной переводческой деятельности.

Цель настоящей работы — описание межъязыковых (переводческих) трансформаций на основе сравнительно-сопоставительного изучения текстов оригинала романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его перевода на китайский язык.

Постановка цели исследования предопределила следующие задачи:

- сравнить тексты оригинала и его перевода на китайский язык, установить грамматические и лексические особенности, обусловленные межъязыковой трансформацией;
- сопоставив тексты оригинала и его перевода на китайский язык, выявить межъязыковые барьеры, снижающие эквивалентность перевода.

Материалом исследования послужили тексты художественных произведений, опубликованные в России (Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза [20]) и Китае (人民文学出版社. 祖列依哈睁开了眼睛 [21]).

Основным методом является метод сравнительно-сопоставительного анализа, когда сопоставляются тексты перевода с их оригиналами. Такой подход дает возможность получить информацию не только об адекватности перевода, но и степени его эквивалентности [3, с. 22].

Актуальность работы заключается в необходимости:

- дальнейшего сравнительно-сопоставительного изучения русского и китайского языков, русской и китайской лингвокультур/этнокультур;
- исследования процессов трансляции национально-специфичных смыслов при переводе художественного текста;
- анализа значимых лингвокультурных/лингвоэтнических факторов, влияющих на выбор переводческих решений.

Научная новизна работы состоит в том, что художественный текст романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» впервые рассматривается в аспекте сравнительно-сопоставительного языкознания; впервые изучаются его межъязыковые трансформации при переводе на китайский язык.

Говоря о новых переводах литературных произведений последнего времени, глава китайской ассоциации по исследованию русской литературы Лю Вэньфэй подчеркнул, что такие «книги помогут тем, кто занимается изучением русской культуры и хочет научиться говорить по-русски. Эти книги превратятся в своего рода учебники» [12].

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что результаты предпринятого нами исследования важны не только в теоретическом плане — в аспекте сравнительно-сопоставительной лингвистики, теории русско-китайского перевода — они также могут иметь прикладное значение: в частности, в практике обучения китайских студентов русскому языку и русских студентов китайскому языку на материале аутентичных текстов.

Проблематика перевода русского художественного текста на китайский язык имеет свою историю и свои традиции ее интерпретации. Как отмечают китайские ученые,

«с целью знакомства с русской цивилизацией и заимствования у нее передовых идей, у нас в Китае начали переводить классическую русскую литературу уже с середины XIX в. В 50-60-е гг. прошлого века огромное количество переводов советских изданий с научно-технической тематикой дало сильный толчок экономическому строительству в Китае» [17, с. 70].

Однако активная переводческая деятельность в области русской литературы началась лишь с конца XX в.

Традиционная китайская теория перевода насчитывает, по утверждению ученых, почти семнадцативековую путь развития. В течение долгого времени господствовал критерий, когда перевод считался «хорошим», если в нем присутствовали «достоверность, доходчивость, изящество». Янь Фу, изучавший многовековые традиции китайского перевода, пришел к выводу о том, что и в XX в. в практике перевода значимыми оставались прежние идеи: 信达雅 — «достоверность, норма, стиль» [22].

Сегодняшний Китай, отмечает Ван Мэняо, рассматривает перевод как межкультурную деятельность в отношении ее «цивилизаторской функции», способствующей восприятию новой инокультуры, новой информации, обогащающей национальную культуру Китая. Отметим, что такой подход согласуется с пониманием перевода российскими лингвистами как инструмента «культурного освоения мира и расширения коллективной памяти человечества» [4, с. 41].

Оценивая теоретические установки в переводоведении китайских, западноевропейских и российских ученых, Ван Мэняо приходит к выводу о том, что и сегодня многие китайские переводчики «по-прежнему с большим уважением относятся к традиционным идеям национальной школы перевода, в частности, к концепции «верности» [2, с. 17], поэтому «для китайских исследований перевода в большей степени свойственен консерватизм, почитание классических идей мыслителей старого мира, а на Западе новаторство фактически привело к нивелированию значения классических идей» [1, с. 13].

По утверждениям российских исследователей, в настоящее время китайские переводоведы продолжают уделять значительное внимание «теории перевода в аспекте русско-китайской языковой пары» [9, с. 91] и рассматривать вопросы преобразования перевода и фактор «культуры» в переводе, а также исследовать оценки перевода и способы его анализа с позиций экотранслатологии, когда внимание фокусируется на исходном и целевом текстах. При этом всё более осознается существующая проблема переводческих искажений, проблема игнорирования языковых и культурных составляющих текста [9, с. 93].

Проблемы эквивалентности, адекватности перевода обсуждаются и в российском, и в китайском языкознании. Рассматривая переводы А. С. Пушкина на китайский язык, исследователи утверждают:

«Создание адекватного перевода художественного текста — практически невыполнимая задача, так как чрезвычайно трудно передать не только смысл и грамматические конструкции с одного языка на другой, но и донести до читателей систему художественных образов произведения» [5, с. 152].

Актуальным остается высказывание Р. Якобсона о принципиальной невозможности полного преодоления межъязыковых барьеров в переводе:

«На уровне межъязыкового перевода обычно нет полной эквивалентности между единицами кода, но сообщения, в которых они используются, могут служить адекватными интерпретациями иностранных кодовых единиц или целых сообщений» [19, с. 20].

Межъязыковые барьеры рассматриваются в числе фундаментальных трудностей в переводе. В этой связи нельзя не согласиться с многочисленными авторами, высказывающими мысль о неизбежности в процессе перевода определенных потерь, многократно возрастающих при передаче национально-культурных понятий. Иногда исследователи даже предлагают искать другие способы преодоления барьеров в межкультурной коммуникации:

«В этих случаях возникает вопрос о рентабельности перевода, вопрос об использовании иного вида языкового посредничества (пересказа). Подтверждается тезис <...>, что перевод — далеко не всегда оптимальный способ преодоления лингвоэтнического барьера» [14, с. 8].

Считается, что наша отечественная традиция межъязыкового (переводческого) анализа художественного/поэтического текста восходит к Л. В. Щербе, опубликовавшему в 1936 г. свой ставший широко известным в стране и за ее пределами «опыт лингвистического толкования стихотворений». Однако центральной проблемой в теории и практике перевода, несмотря на существующие традиции ее разрешения, всё так же остается проблема достижения эквивалентности текста оригинала и его перевода. Не раз отмечалось, что степень эквивалентности двух текстов — исходного и переводного — дает возможность говорить об успешности перевода, но очевидно, что и при высоком уровне эквивалентности о тождестве исходного и переводного текстов можно говорить лишь весьма условно. Принято различать понятия «эквивалентность перевода» и «адекватность перевода», при этом чаще всего «адекватным», но «неэквивалентным» называют перевод в сфере художественного текста.

Результаты

Сравнительно-сопоставительный анализ языка оригинала художественного текста произведения Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его перевода на китайский язык привел к следующим результатам в соответствии с поставленными целью и задачами.

I. Сравнительно-сопоставительное исследование текстов оригинала и его перевода на китайский язык позволило установить грамматические и лексические особенности, обусловленные межъязыковой трансформацией.

Грамматические трансформации

Морфологические трансформации связаны с переводческими приемами интерпретации имени и глагольных составляющих текста.

Трансформации именных конструкций. В русско-китайском переводе неизбежны частеречные замены. Типичной в рассматриваемом тексте является трансформация имени существительного в прилагательное в конструкциях имя существительное + имя существительное в родительном падеже со значением принадлежности, а также в группе слов препозитивное определение, выраженное существительным + имя существительное в родительном падеже. Это объясняется строго закрепленным в китайском языке положением определения в начальной позиции и определяемого слова после него. Между частями определительной конструкции находится частица 的, выполняющая атрибутивную функцию.

«Лес <u>возле Юлбаша</u> хороший, богатый» ¹	« <u>尤尔巴什附近的</u> 树林茂密, 圭绕» (досл. « <u>Близкие к Юлбашу</u> леса густые»)
« <u>Громадины</u> деревьев обступили сани»	« <u>巨大的</u> 树木围绕在雪橇的四周» (досл. « <u>Огромные</u> деревья окружили сани»)

Поскольку при выражении атрибутивных синтаксических отношений в китайском языке используется фиксированный порядок компонентов (определение + частица 的 + определяемое слово), при переводе с русского языка распространенных определений возникают трудности в связи с большим объемом атрибутивной информации перед определяемым словом. В таком случае целесообразным является используемый в переводе прием: замена имени прилагательного глаголом или наречием, что значительно облегчает восприятие предложения китайским читателем.

«Из глубины леса течет Чимшэ — обычно ласковая, <u>мелкая, полная быстрой рыбы и неповоротливых раков</u> »	« <u>从林子深处</u> 流淌出奇什梅河 — 平时河水不多, 流速平缓, 水中有许多游动敏捷的小鱼和笨拙的小虾» (досл. «Из глубины леса течет река Чимшэ — обычно воды в реке не много, течение пологое, а в воде есть много быстрой рыбы и неуклюжих раков»)
---	---

В представленном фрагменте прилагательное «мелкая» переводится словосочетанием с наречием 河水不多 (досл. «воды не много»), также произошла замена атрибутивной конструкции с именем прилагательным «полная быстрой

¹ Здесь и далее приведены примеры из текстов оригинала на русском (слева) [20] и его перевода на китайский (справа) [21], а также наша интерпретация (дословный перевод) решений китайских/китайского переводчиков/переводчика с опорой на китайские лексикографические источники [23, 24].

рыбы» на простое предложение с глаголом 有 (досл. «иметь»): 水中有许多游动敏捷的小鱼 (досл. «в воде есть много быстрой рыбы»).

Характерной для русско-китайского перевода является замена личных местоимений на имя существительное во избежание неточностей в распознавании информации. В исследуемом тексте при переводе местоимений третьего лица используются соответствующие имена собственные, чаще — антропонимы.

«Он указывает меховой рукавицей на бревна: «穆尔塔扎用毛皮手套指了指被截成几段的树干先搬运它们»

(досл. «Муртаза указал меховой перчаткой на разрезанный ствол: сначала несем их»)

«Она протягивает руку сквозь занавеску, прикасается к бархатной морде: успокойся, свои»

«祖列依哈把一只手伸过窗帘，抚摸着小马驹柔软的脸颊，心里说道：安静点，自家人»

(досл. «Зулейха протянула руку через занавеску, погладила мягкую щеку жеребенка и сказала про себя: тише, свои»)

Глагольные трансформации. Грамматические трансформации возникают при отсутствии той или иной категории в одном из сопоставляемых языков. В китайском языке нет категории вида глагола, и трудности в переводе видо-временных форм глагола можно спрогнозировать уже в заглавии романа: там присутствует глагол несовершенного вида настоящего времени «открывает». В русском языке несовершенный вид выражает незавершенное, развертывающееся действие. Китайский язык не имеет морфологических показателей временных значений, поскольку процессы протекания действия передаются с помощью служебных слов. Обратимся к названию романа, в котором закреплена ключевая фраза романа: «Зулейха открывает глаза». В переводе глагол настоящего времени получил форму прошедшего времени в значении состоявшегося действия, при этом глагольная постпозитивная частица указывает на то, что действие, происходящее в прошлом, завершается к моменту речи.

«Зулейха открывает глаза»

«祖列依哈睁开了眼睛»

(досл. «Зулейха открыла глаза»)

«Зулейха засыпает»

«祖列依哈睡着了»

(досл. «Зулейха уснула»)

«Зулейха замирает»

«祖列依哈呆住了»

(досл. «Зулейха остолбенела»)

«Лечу, лечу, мама!»

来了，来了，妈妈！

(досл. «Пришла, пришла, мама!» / «Я здесь, я здесь, мама!»)

«Начинается новый день»

«新的一天开始了»

(досл. «Новый день начался»)

В рассматриваемых примерах переводческая стратегия заключается в передаче неопределенно-длительного состояния Зулейхи и повседневного мира ее рутинных действий. Вынужденное использование частицы 了 как адекватного способа перевода на китайский язык действий и событий, сменяющих друг друга во времени, акцентирует фактическую завершенность действия. Однако использование подобной стратегии в переводе названия произведения затемняет художественно-филологическую составляющую текста в контексте развития мотива «пробуждение».

В китайском языке глагол не имеет показателей лица и числа. В связи с этим типичным подходом к переводу предложений текста, в которых сказуемое выражено глаголом настоящего времени в форме третьего лица множественного числа или глаголом прошедшего времени множественного числа, является прием лексических добавлений. Дополнение фрагмента текста группой слов 两个人 — 俩人 («оба») позволяет избежать искажения смысла, неточностей в переводе.

«Опять <u>принимаются</u> за работу»	«俩人又接着干活儿了» (досл. «Оба снова приступили к работе»)
« <u>Не заметили</u> , как стало темно»	«两个人没有觉察到, 天色开始变暗» (досл. «Оба не заметили, как небо начало темнеть»)
« <u>Работают</u> долго, молча»	«俩人一直忙活着, 彼此没有说话» (досл. «Оба работали, не разговаривали друг с другом»)

Синтаксические трансформации. В тексте перевода в качестве частотного мы отмечаем прием усложнения синтаксической структуры предложений за счет включения новых второстепенных членов (через лексические добавления). В данном случае синтаксическая трансформация заключается в эксплицитной передаче дополнительных имплицитных (подразумеваемых, оставшихся невыраженными) семантических компонентов в тексте оригинала. Ср. в тексте оригинала: «Она протягивает руку сквозь занавеску, прикасается к бархатной морде: успокойся, свои». В китайском переводе в начале русского придаточного предложения наблюдается вставка «心里说道» (досл. «сказав про себя»). Отмечаются и другие типы синтаксической вставки. Ср. в тексте оригинала: «„И в урмане слышно“, — тревожно думает Зулейха»; в тексте перевода: «穆尔塔扎的声音在密林里也能听见。祖列依哈心里忐忑不安地想着» (досл. «Голос Муртазы и в густом лесу можно услышать, — тревожно подумала Зулейха»).

Одним из распространенных средств экспрессивного синтаксиса в тексте оригинала является парцелляция. Намеренное сегментирование синтаксической структуры позволяет выделить несколько коммуникативно значимых единиц и тем самым усилить смысловые и выразительные оттенки значений, поскольку парцелляту придается самостоятельное значение. Парцелляция применяется автором с целью акцентирования внимания, усиливая тем самым воздействия текста на читателя. Парцелляты подчеркивают рутинность повседневности бытия героини, состояние ее физической и эмоциональной усталости. Однако не всегда в переводе сохраняется исходная сегментация авторских смысловых отрезков,

что связано с четко фиксированной позицией субъекта и объекта действия, обстоятельства времени и места в китайском предложении. Это находит отражение и в тексте перевода: «Утыкается лбом в стену. Наконец-то» > «终于爬到地方了» (досл. «Наконец-то добралась до места»); «Вымыть полы. Замочить веники» > «洗净地板, 泡上桦树条浴帚» (досл. «Вымыть полы, замочить веники»).

Межъязыковая трансформация в тексте перевода проявляется на уровне моделирования одного сложного предложения на месте нескольких простых, включенных в текст оригинала.

«Не запнуться о палас. Не удариться босой ногой о кованный сундук справа у стены. Перешагнуть скрипучую доску у изгиба печи. Беззвучно прошмыгнуть за ситцевую чаршау, отделяющую женскую часть избы от мужской»

«祖列依哈没有绊到地毯, 赤裸的双脚也没有碰到右侧靠墙的铁箱子。她躲过火炉弯角处那块一碰就吱吱作响的地板, 钻过那片将小木屋分成男女两部分的印花布帷帘» (досл. «Зулейха не запнулась о ковер, и ее босые ноги не коснулись железного ящика справа. Она увернулась от скрипящего пола в углу у печи и прошла через разделяющую дом на мужскую и женскую половины ситцевую занавеску»)

В вышеприведенном примере представлена внутренняя речь персонажа. Внутренние монологи и реплики занимают особое место в романе Г. Яхиной, поскольку они воссоздают духовную жизнь, размышления, переживания и настроения «неразговорчивой» Зулейхи.

Примечательно, что в передаче внутренней речи персонажа используются инфинитивные побудительные предложения как форма приказа самой себе. Однако в переводе произошла замена побудительного высказывания с инфинитивом на повествовательное: вместо внутренней речи персонажа в тексте перевода — речь повествователя. Новая конструкция стала возможной за счет добавления подлежащего-существительного Зулейха как субъекта действия. В этом случае в китайском переводе синтаксические трансформации с позиции повествователя/наблюдателя.

Лексические трансформации

В лексическом отношении текст романа включает материал не только русского, но татарского языков, а также многочисленные заимствования из западно-европейских, турецкого, арабского языков. Особую трудность в плане перевода представляет лексика, выходящая за пределы норм литературного языка — разговорная, диалектная, стилистически сниженная. Достаточно много лексем, отражающих утраченные реалии бытовой, социокультурной, идеологической сферы, которые в аспекте перевода можно соотнести с классом экзотизмов.

Лексические трансформации в тексте перевода романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» традиционно связаны с транскрибированием, транслитерированием, калькированием и лексико-семантическими заменами. Приведем примеры с использованием экзотизмов.

- Транскрипция: «большевик» > 布尔什维克 «*bu'ersheweike*», «советский» > 苏维埃 «*suwei'ai*»;
- транслитерация: «Зулейха» > 祖列, «Денисов» > 杰尼索夫;
- генерализация: «товарищество» > 组织 «организация», «кулак» > 富农分子 «элемент из зажиточных крестьян», «кота» (короткие домашние валенки) > 毡靴 «валенки»;
- конкретизация: «запишут» > 列入名单 «включат в список»;
- калькирование: «Красная армия» > 红军 «красная армия»;
- конверсная трансформация: «мало ли кто не знает» > 所有的人都知道这个 «все это знают»;
- экспликация: «продналог» > 余粮税 «налог на избыток зерна»;
- контекстуальная замена: «ослушается» > 不服从 «не подчинится».

«Обуться нельзя — бесшумно пройти в войлочных кота не получится, какая-нибудь половица да и скрипнет»

«不能穿鞋 — 穿着厚毡靴走路不可能没有一点声响, 万一哪块地板咯吱响了一声呢» (досл. «Нельзя обуться — пройтись в толстых валенках невозможно без шума, скрипит пол»)

«Убырлы карчык — Упыриха»

«“老妖婆” — 乌佩里哈» (досл. «Старая ведьма — Упыриха»)

«Жаным, — говорит она тихо, хриплым спросонья голосом»

«亲爱的, — 她用半梦醒的嘶哑声音轻轻说道» (досл. «„Дорогой“, — прошептала она хриплым, полусонным голосом»)

Заслуживающим внимания является случай лексико-семантической замены «калхус» (колхоз) > 太阳神 «бог солнца». Советизм «калхус» < «колхоз» в его графическом оформлении представляет собой эрратив, возникший в зоне татарско-русского взаимодействия в результате фонетической интерференции. В тексте китайского перевода эрратив в получил контекстуальную замену, обусловленную искажением исходного содержания: советизм преобразовывается в свою противоположность — теоним, что изменяет текстовые смыслы произведения.

«Кто ослушается — в калхус запишут»

> 谁要是不服从 — 就列入送往太阳神祭品的名单» (досл. «Тот, кто не подчинится, будет включен в список жертвоприношений богу солнца»)

«Устраивал собрания и горячо зазывал деревенских в товарищество со странным пугающим названием калхус, но его мало кто слушал — на собрания ходили такие же бедняки, как он сам»

组织开会热烈邀请村民加入他们的组织, 这个组织有个骇人的名称 — 太阳神, 可是响应者寥寥 — 前来参会的人都是像他这样的贫苦村民» (досл. «Организовывал собрания и горячо приглашал жителей деревни присоединиться к организации. У этой организации страшное имя — бог солнца, но мало кто слушал — все люди, приходившие на собрание, были такими же бедняками, как и он»)

Исследуемый художественный текст является сложным объектом переводческой практики, поскольку включает в себя информацию самого разного уровня, затрудняющую его понимание и восприятие. Постигание текста китайской аудиторией при его переводе осложняется процессами межъязыковой трансформации. Переводчик использует разные приемы формального и семантического характера, позволяющие ему адекватно передать необходимую информацию. Результатом речевой деятельности переводчика, связанной с пространством взаимодействующих русского и китайского языков (оригинала и перевода), стали переводческие модификации, которые в целом сохраняют информацию текста оригинала, необходимую для передачи на другой язык. Однако некоторые лексические замены нельзя назвать оправданными.

II. Сравнительно-сопоставительное исследование текстов оригинала и его перевода на китайский язык позволило выявить межъязыковые барьеры, снижающие эквивалентность перевода.

В теории и практике перевода существует понятие «языковой/межъязыковой барьер», которое соотносится с расхождениями национальных культур, различным национально-специфическим опытом различных народов. В аспекте предпринятого исследования укажем на лингвокультурологическую и лингвоэтническую составляющую художественного текста. Если лингвокультурологическую парадигму рассматривают в связи с репрезентацией в языке ментального комплекса, фоновых знаний, то лингвоэтнический фактор напрямую отсылает к этническим идентификациям в языке и культуре, к лингвоэтническим взаимодействиям и экстралингвистическим реалиям. В связи с возникающими сложностями исследователи говорят не только о межъязыковом переводе, но и «о переводе культур». В отношении русско-китайских соответствий данный тезис приобретает особое значение.

Лингвокультурологическая составляющая произведения Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» связана, прежде всего, с фоновой информацией, содержащейся в именах собственных, фразеологизмах, пословицах, поговорках и др. Подобный пласт языка транслирует национально-культурную (лингвострановедческую в аспекте РКИ) информацию, образ «своего» 自己的 в отличие от «чужого» 他人的. Слово в этом случае воспринимается как воплощение лингвокультурного кода, как реализация представлений о мире и мировоззрении носителей языка. Обращают на себя внимание имена собственные, ибо «имя есть необходимый результат мысли», поэтому «в слове, в имени — всё наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; <...> В слове и имени — встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» [7, с. 42]. Антропонимы относятся к безэквивалентной лексике, в тексте произведения они приобретают особые коннотации, становятся более информативными.

В русском тексте анализируемого произведения встречаются многочисленные онимы, при передаче которых на китайский язык используется транслитерация: *Юлбаиш* > 尤尔巴什 Yóu'ěrbāshén, *Юзуф* > 优素福 Yōusùfú, *Сандугач* > 桑杜加奇 Sāngdùjiāqí и др. Отметим, что для русского читателя закономерны

употребления различных форм и вариантов одного и того же имени: например, *Изабелла* — *Бела*; для китайского читателя с принципиально иной системой китайского антропонимикона требуются пояснения переводчика. Высокий лингвострановедческий, фоновый, потенциал антропонима проявляется в его прецедентности, аллюзиях, прозрачных и не нуждающихся в комментариях для носителя языка, в то время как иностранному читателю требуется конкретизация. Так, в тексте романа встречается фамилия «Денисов» 杰尼索夫, конкретизированная апеллиативами «председатель сельсовета», «балтийский» и др. Русский читатель увидит в этом случае аллюзию на роман М. Шолохова «Поднятая целина», один из героев которого — Давыдов, бывший моряк, двадцатипятилетиячник и пр. Гузель Яхина в одном из своих интервью подтвердила аллюзивную интерпретацию антропонима *Денисов*:

«Мне показалось забавным посмотреть, как бы действовал этот шолоховский герой в татарской деревне. Это просто художественный прием. Я сначала хотела даже больше отсылок сделать к героям разных советских книг и фильмов о раскулачивании и коллективизации. Но потом поняла, что они мешают повествованию. В тексте, в итоге, осталась еще пара отсылок к фильмам Довженко „Земля“ и Эйзенштейна „Бежин луг“» [13].

Высоким фоновым потенциалом обладают названия произведений. В данном случае заглавие романа «Зулейха открывает глаза» включает фразеологизм «открыть глаза» со скрытой экспрессией, т. е. «выводить кого-либо из заблуждения или из состояния неведения, помогая правильно понять истинное положение вещей» [15]. Фразеологизм значим в контексте глубинного понимания романа. Если имена собственные в тексте романа, несмотря на их значимость, могут быть не прокомментированы переводчиком в целях адекватности перевода, то метафорический смысл заглавия должен получить переводческие интерпретации.

Лингвоэтническая составляющая произведения — лингвоэтнический барьер — представляет наибольшую сложность при принятии переводческих решений. Исследуемый роман Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» в широком смысле отражает билингвальный культурный контекст славяно-тюркского лингвоэтнического диалога двух народов, историческое контактирование которых насчитывает не одно столетие. Подчеркнем в этой связи, что, несмотря на длительность этнолингвокоммуникаций, многие лексемы тюркского происхождения остаются непонятными и для русского читателя (*кызылык* «конская колбаса» > 马肉香肠 «колбаса из конины», *басу капка иясе* «дух околицы» > 村神 «дух деревни», *шурале* «леший» > 林妖 «дух леса» и др.). По мнению американского исследователя А. Нойберта, «художественные тексты, характеризующиеся билингвальностью или даже точечными иноязычными вкраплениями, обладают наиболее высокой степенью непереводимости» [11, с. 62]. Но в тексте анализируемого произведения также встречаются и русские диалектизмы, где тюркский этимон давно и прочно освоен русскими говорами: *урман* («...лес заканчивался — начинался дремучий урман, буреломная чащоба»), *тайга* («...летом носила из

тайги жирных тетеревов»); в тексте используются многочисленные советизмы — русские лексемы-неологизмы, например, колхоз, ячейка, представленные на страницах романа и в татарской адаптации: калхус, ящайка и др.

С интерпретационной целью автор, Г. Ш. Яхина, создает своеобразный лексикографический раздел — двуязычный словарь произведения («Словарь татарских слов и выражений»), в котором представлен не только перевод слова на русский язык, но и его лингвоэтническая трактовка. Например: «Жебегян тавык — мокрая курица»; «Ляухэ („хранящая скрижалю“) — настенный коврик с изречением из Корана». Кроме того, в произведении используются внутритекстовые комментарии подобных лексем: «яга — род шубы, тулупа халатного покроя»; встречается цитация, непереведенные на русский язык отрывки/строки из мусульманских молитв: «Бисмилляхи рахмани рахим» и др. Сложными для восприятия являются аллюзии на языческую мифологию, коранический нарратив, например, Юсуф и Зулейха и др.

Гузель Яхину называют писателем-билингвом с определенными культурными препозициями, но ее роман в переводе на татарский язык вышел только в 2016 г. В интервью интернет-изданию Флера Тарханова, переводчик романа на татарский язык («Зөләйха күзләрен ача», 2016 г.), рассказала о тех трудностях, с которыми она столкнулась: с одной стороны, насыщенность сравнениями и метафорами, с другой — просторечия, жаргонизмы и «говор тюремщиков тяжело перевести на татарский» [10].

Всё вышесказанное, несомненно, отражает дополнительные трудности, с которыми столкнулись Чжан Цзе (张杰) и Се Юньцай (谢云才) — переводчики романа Г. Ш. Яхиной на китайский язык.

Обсуждение и выводы

Роль перевода художественной литературы в жизни общества трудно переоценить, но также трудно переоценить и возникающие при этом трудности в силу высокой смысловой и в том числе «культурной» нагруженности слова. Художественный текст, предназначенный для прагматического восприятия и эмоционального воздействия на читателя, не только отражает авторскую картину мира, но и транслирует этнокультурные смыслы, аксиологически нагруженную, национально-ориентированную информацию. Существующие сложности соотносятся с общими, не только китайско-русскими проблемами межкультурных соответствий: проблемы перевода художественного текста возникают в связи с труднопреодолимыми межъязыковыми барьерами, проявляющимися в силу собственно лингвистических, национально-культурных, цивилизационных различий.

Роман Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» насыщен элементами бытовой и духовной культуры с ее аксиологическими установками, вписанными в широкую панораму исторических реалий, трагических событий советской действительности тридцатых-сороковых годов прошлого века. В центре русского произведения — судьба татарской женщины, что не только свидетельствует о многомерности понятия «национальный» в аспекте советских и российских реалий, о по-

лиэтничности, развивающейся в направлении «советский народ». Национальная многоукладность, представленная в произведении, придает переводу дополнительную сложность в трансляции культуры. Текст перевода демонстрирует различные переводческие трансформации в зоне межъязыковых взаимодействий. Заслуживает внимания отношение переводчика/переводчиков к интерпретации безэквивалентных лексем, слов-экзотизмов, когда нет стратегии «перевести всё любыми способами». Ни транслитерация, ни транскрибирование, ни смысловой перевод не приблизят к «тождеству текстов», но у китайского читателя могут возникнуть трудности в восприятии художественного произведения, которые будут отдалять читателя от текста, а не сближать его с ним. В этом отношении речь должна скорее идти об адекватности текста перевода.

В результате сравнительно-сопоставительного исследования художественного текста романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и его перевода было выявлено, что в большинстве случаев структура китайского предложения в переводе отличается от структуры русского предложения: в нем другой порядок слов, что и объясняет широкое использование грамматических трансформаций. Кроме того, в процессе перевода актуализируется внимание к экстралингвистическому контексту и имплицитной информации, что помогает переводчику найти подходящий инструмент передачи лингвоэтнической специфики художественного текста. Отметим, что переводчики Чжан Цзе (张杰) и Се Юньцай (谢云才) провели огромную и впечатляющую работу по интерпретации русского текста, насыщенного историческими реалиями, экзотизмами, мифологизмами, этнографизмами и советизмами, в которых отражается национально-культурная жизнь не только русского, но и татарского народов в переплетении их исторических судеб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Мэняо. Категория верности в китайской теории перевода / Ван Мэняо // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 1. С. 5-13.
2. Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ван Мэняо. М., 2014. 19 с.
3. Велединская С. Б. Курс общей теории перевода / С. Б. Велединская. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2010. 220 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. Кулёмина Д. М. Специфика межкультурной коммуникации сквозь призму перевода художественного текста (на примере китайского и телеутского языков) / Д. М. Кулёмина, М. Н. Образцова // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 152-163.
6. Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. 576 с.
7. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев // Самое само: Сочинения / А. Ф. Лосев. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.

8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. М.: Языки славянской культуры, 1999. 465 с. (Язык. Семиотика. Культура).
9. Моргун В. Г. «Национальное» и «универсальное» в теории перевода Китая / В. Г. Моргун // Казанская наука. Филологические науки. 2020. № 4. С. 90-97.
10. Мухаметрахимов А. «Зулейха открывает глаза» по-татарски: «Это не презентация перевода, а вечер зависти» / А. Мухаметрахимов. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/312468> (дата обращения: 20.11.2020).
11. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 51-68.
12. Переводы книг Пелевина и Улицкой представили в Китае / Редакция портала «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/news/243005/> (дата обращения: 19.11.2020).
13. Симакова Л. Зулейхе лучше не открывать глаза (20.04.2020) / Л. Симакова // Сайт телекомпании ТВ-2. URL: <https://tv2.today/Istorii/Zuleyhe-luchshe-ne-otkryvat-glaza#ixzz6f15Y15Du> (дата обращения: 20.11.2020).
14. Тимко Н. В. Фактор «культура» в переводе / Н. В. Тимко. 2-е изд., дополн. Курск: Курский государственный университет, 2007. 154 с.
15. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
16. Цао Чжундэ. Строители литературного моста — о популяризации русской и советской литературы в Китае / Цао Чжундэ, Ду Минцзин // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 153-160.
17. Чжан Бин (张冰). О состоянии перевода и книгоиздания российской литературы в Китае: от перевода и издания отдельных произведений до всестороннего сотрудничества в переводческом и книгоиздательском деле / Чжан Бин // Материалы тематических семинаров IV Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 8-11 сентября 2016 г.) / науч. ред. А. Я. Ливергант; ред. Д. Д. Кузина; сост. И. О. Сид. М., 2018. 416 с.
18. Чэнь Хао. О китайской версии «Советского энциклопедического словаря» / Чэнь Хао // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 103-112.
19. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16-24. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-78.html> (дата обращения: 19.11.2020).
20. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза / Г. Ш. Яхина; предисл. Л. Улицкой; ред. Е. Шубиной. М.: АСТ, 2015. 508 с.
21. 祖列依哈睁开了眼睛 / (俄罗斯) 古泽尔 雅辛娜著; 张杰, 谢云才译. 北京: 人民文学出版社, 2017. 495页 (21世纪年度最佳外国小说).
22. 翻译研究论文集 1894-1948 (Очерки по исследованию теории перевода 1894-1948. 北京, 1984.
23. 精选俄汉汉俄词典(修订版). 出版社: 商务印书馆. 1994. 858页.
24. 大俄汉词典(修订版). 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所编. 商务印书馆. 2001. 2857页.

Iana Ye. ANDREEVA¹
Natalia V. LABUNETS²

UDC 81'255.2

**INTERLANGUAGE TRANSFORMATIONS
IN THE TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO CHINESE
OF G. SH. YAKHINA'S NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES"**

¹ Postgraduate Student, University of Tyumen
y.e.andreeva@utmn.ru

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian Language and General Linguistics,
University of Tyumen
n.v.labunec@utmn.ru

Abstract

This article deals with the lexical and grammatical transformations in the translation of G. Sh. Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes" into Chinese. Currently, the theoretical and practical issues of translation in the aspect of the Russian-Chinese language pair remain relevant. At the same time, the problems of translation equivalence and adequacy are getting more recognition.

This study aims to identify the specifics of interlingual transformations of Russian-Chinese translation based on a comparative analysis of the novel by G. Sh. Yakhina "Zuleikha Opens Her Eyes" (2015) and its Chinese translation (2017). It is the first such study of the presented literary text in terms of comparative-comparative linguistics. To comprehend the interlanguage transformations performed by the translator in the process of translation, the authors have used a comparative analysis of the texts in the source language and the translation.

The significance of the differences in the grammatical structure of the Russian and Chinese languages explains the particular interest towards the study of the translation of a work of

---

Citation: Andreeva Ia. Ye., Labunets N. V. 2020. "Interlanguage Transformations in the Translation from Russian into Chinese of G. Sh. Yakhina's Novel 'Zuleikha Opens Her Eyes'". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 4 (24), pp. 6-23. DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-6-23

---

fiction. At the lexical level, the authors examine the specifics of the transmission of the nationally-marked corpus of the Tatar vocabulary into Chinese, which acquires special significance in the representation of the ethnocultural component of a literary text. In addition, the features of lexical transformations during translation are revealed through an appeal to the ideological vocabulary of the Soviet period. At the grammatical level, the authors analyze the morphological and syntactic transformations, as well as the transmission of verb forms. As a result of the study, the reasons for lexical, morphological and syntactical translation transformations were established, and interlanguage barriers that reduce the equivalence of translation were identified.

Keywords

Translation studies, literary translation, comparative analysis of texts in translation, interlanguage (translation) transformations, translation equivalence, lexical transformation, grammatical transformation, interlanguage barrier.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-4-6-23

REFERENCES

1. Wang Menyao. 2014. "The category of fidelity in the chinese theory of translation". Moscow University Bulletin. Translation Theory, no. 1, pp. 5-13. [In Russian]
2. Wang Menyao. 2014. "Modern science of translation in china: the history of formation and development trends". Cand. Sci. (Philol.) diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 19 pp. [In Russian]
3. Veledinskaya S. B. 2010. The Course of the General Theory of Translation. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. 220 pp. [In Russian]
4. Komissarov V. N. 1990. The Theory of Translation (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya shkola. 253 pp. [In Russian]
5. Kulyomina D. M., Obratsova M. N. 2017. "Specificity of intercultural communication through the prism of literary text translation (on the example of Chinese and Teleut languages)". Ecology of Language and Communicative Practice, no. 3, pp. 152-163. [In Russian]
6. Kurdyumov V. A. 2005. Course of the Chinese Language. Theoretical Grammar. Moscow: TsITADEL-TREYD; LADA. 576 pp. [In Russian]
7. Losev A. F. 1999. "Philosophy of the Name". In: The Most Self: Essays. Moscow: EKSMO-Press. 1024 pp. [In Russian]
8. Lotman Yu. M. 1999. Inside the Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History. "Language. Semiotics. Culture" Series. Moscow: Yazyki slavanskoy kultury. 465 pp. [In Russian]
9. Morgun V. G. 2020. "'National' and 'universal' in the theory of translation of China". Kazan Science. Philological Sciences, no. 4, pp. 90-97. [In Russian]
10. Mukhametrakhimov A. "'Zuleikha Opens Her Eyes' in Tatar: 'This is not a presentation of the translation, but an evening of envy'". Biznes Online. Accessed 20 November 2020. <https://www.business-gazeta.ru/article/312468> [In Russian]

11. Neubert A. 1978. "Pragmatic Aspects of Translation". In: Questions of the Theory of Translation in Foreign Linguistics, pp. 51-68. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. [In Russian]
12. Russkiy mir. "Translations of Pelevin's and Ulitskaya's books were presented in China". Accessed 19 November 2020. <https://russkiymir.ru/news/243005/> [In Russian]
13. Simakova L. "Zuleikha it is better not to open your eyes". TV-2. Accessed 20 November 2020. <https://tv2.today/Istorii/Zuleyhe-luchshe-ne-otkryvat-glaza#ixzz6f15Y15Du> [In Russian]
14. Timko N. V. 2007. Factor "Culture" in Translation. 2nd edition, revised. Kursk: Kursk State University. 154 pp. [In Russian]
15. Fedorov A. I. 2008. Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: approx. 13,000 Phraseological Units. 3rd edition, revised. Moscow: Astrel: AST. 878 pp. [In Russian]
16. Cao Zhongde, Du Mingjing. 2014. "The builders of the literary bridge on the popularization of Russian and Soviet literature in China". Problems of the Far East, no. 3, pp. 153-160. [In Russian]
17. Zhang Bing (张冰). 2018. "On the state of translation and publishing of Russian literature in China: from translation and publication of individual works to comprehensive cooperation in translation and publishing". Proceedings of the 4th International Congress of Fiction Translators (8-11 September 2016, Moscow). Edited by A. Ya. Livergant, D. D. Kuzina and I. O. Sid. Moscow. 416 pp. [In Russian]
18. Chen Hao. 2019. "About the Chinese version of the 'Soviet Encyclopedic Dictionary'". Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, no. 3, pp. 103-112. [In Russian]
19. Jakobson R. 1978. "On the Linguistic Aspects of Translation". In: Questions of the Theory of Translation in Foreign Linguistics, pp. 16-24. Accessed 19 November 2020. <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-78.html> [In Russian]
20. Yakhina G. Sh. 2015. "Zuleikha Opens Her Eyes". Foreword by L. Ulitskaya; edited by E. Shubina. Moscow: AST. 508 pp. [In Russian]
21. 祖列依哈睁开了眼睛 / (俄罗斯) 古泽尔 雅辛娜 著; 张杰, 谢云才 译. 北京: 人民文学出版社, 2017. 495 页. (21 世纪年度最佳外国小说)
22. 翻译研究论文集 1894-1948. 1984. Beijing.
23. 精选俄汉俄词典(修订版). 出版社: 商务印书馆. 1994. 858页.
24. 大俄汉词典(修订版). 黑龙江大学俄语语言文学研究中心辞书研究所 编. 商务印书馆. 2001. 2857页.